

РЭЦЭНЗИ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИИ: НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ ПО ПОВОДУ РОМАНА ДЭНА БРАУНА “КОД да ВИНЧИ”

История была и остается кладезем сюжетов на любой вкус. Читающую публику особо привлекают тайны, поражающие воображение. Это и используют многочисленные авторы. Пытаясь раскрыть неведомое, они, приобщая к своим поискам читателей, делают их как бы соучастниками открытий и тем приобретают популярность. Так возникла беллетризованная история, особо распространенная в нашу, постмодернистскую, эпоху.

Но такое отношение к истории опасно тем, что читателю-неспециалисту можно продать (в буквальном смысле слова – через покупку книги) обернутые в красивую упаковку сомнительные с точки зрения профессионалов сюжеты. Да еще сопровождая это обвинениями последних в консерватизме, корпоративном эгоизме, боязни свежих мыслей и т. п. Именно на такой аргументации вырос вызывающий аллергию среди историков авторитет автора “новой хронологии” А.Т. Фоменко. Опровергать же необоснованные или ошибочные с точки зрения ученых идеи, обращенные к широкой аудитории, практически невозможно, ибо научные аргументы для нее непонятны, скучны, неинтересны.

Так и существуют *две параллельные истории*, пересекаясь лишь в случае обращения к художественной форме самих ученых, которые в меру своих литературных способностей стремятся донести до широких читательских кругов те или иные теории и концепции. К последним можно отнести популярный в недавнее время роман итальянского ученого, специалиста по средневековой философии и семиотике Умберто Эко “Имя Розы”. Используя популярную форму детективного расследования, автор сумел столь наглядно представить мир европейских интеллектуалов XIII – XIV вв., да и вообще нравы того времени, что я постоянно советую студентам прочитать этот роман для лучшего понимания средневекового общества.

Недавно изданный роман Дэна Брауна “Код да Винчи” написан в таком же детективном ключе и, судя по сообщению российского издателя, в одной только Америке за первый год разошелся в 8 млн экземплярах (всего до настоящего времени его, как пишут, в разных странах продали 35 млн экз.). Идея романа глобальна – полный пересмотр традиционных представлений об основах христианства. В нем, по сути, синтезированы многолетние спекуляции о ключевых для европейцев тайнах двух последних тысячелетий: о личности Христа, о роли Церкви, о скрытых движущих силах европейской истории. В один клубок сплетены и проблемы библеистики, и легенды о тамплиерах, и феминистские идеи.

Оставляя в стороне литературную сторону романа (с моей, дилетантской точки зрения, в ней много банальностей и штампов, но это пусть анализируют специалисты), обращусь к исторической фактуре. Конечно, в художественном произведении автор имеет право на вымысел, но если он смешивается с реальными фактами, надо отделять зерна от плевел.

Сюжет романа завязан на критике традиционных представлений христианской церкви, прежде всего о женщине и семье. И начинается автор с описания

фальсификаций, сопровождавших обретение официального статуса церкви во времена римского императора Константина Великого. Но ситуация представлена автором весьма поверхностно и может запутать читателя.

Безусловно, автор имеет все основания писать, что *“история Церкви полна насилия и обмана”*. Действительно, со времен Константина (IV в. н.э.) она была признана в римском государстве, где постепенно обрела вес и авторитет. Затем, после гибели Западной Римской империи, в долгие столетия анархии и медленного восстановления порядка в варварских (германских) королевствах западно-христианская церковь не только научилась самостоятельно отстаивать свои интересы, но и сумела идеологически подчинить себе все западноевропейское сообщество. Ее видение мира на многие столетия определило миропонимание западных европейцев.

Но читатель должен знать, что роль церкви была столь же многообразна, как и сама жизнь. Нельзя забывать о ее значении в становлении и развитии средневекового образования. Ведь поначалу, в раннем средневековье, кроме клириков, да и то не всех, не было в Европе грамотных людей. И, несмотря на все ограничения, церковь учила, и учила бесплатно. Более того, карьера ученого клирика была единственной возможностью выбиться в люди бесправному, но способному простолыдину. Лишь замыкание церкви исключительно на гуманитарных, точнее, на богословских знаниях подвигло городских жителей Европы с XII в. на создание светской системы образования. Но нельзя забывать, что все известные в средневековой европейской истории прогрессивные мыслители вышли все же из лона церкви. Да и сам язык европейской культуры – средневековая латынь – продукт церковных потребностей.

Нельзя забывать, что вся средневековая архитектура, столь радующая взор современных туристов своими идеальными формами и полетом фантазии, финансировалась церковью. Чтобы, естественно, прославлять ее, но ведь сколько талантов было привлечено, и их творения оказались выше утилитарных идеологических соображений.

Нельзя забывать и о такой основе христианской морали, как Нагорная проповедь Христа (знаменитые 10 заповедей).

Нельзя забывать, что именно христианство укрепило институт современной моногамной семьи. Рожденная древними греками, распространившаяся в Риме, она окончательно сформировалась лишь в XI – XIII вв. после многолетних усилий духовенства. Но именно в воззрениях на семейно-брачные отношения проявились одни из наиболее глубоких противоречий между христианством и человеком как биологическим существом.

Справедливо считая семью наиболее приемлемой ячейкой для воспроизводства и выхаживания потомства, христианские богословы выработали и совершенно противоречивший человеческому существу антисексуальный взгляд на мир, взгляд, в котором отрицается чувственность, и, в первую очередь, такой присущий всему живому инстинкт, как половой. Трудно понять адептов раннего христианства, распространивших учение уставших от жизни греческих стоиков на весь мир Божий. Ведь большинство отцов церкви не были изысканными эстетамы, пресытившимися доступными наслаждениями, каким был, например, выходец из аристократии Аврелий Августин (будущий Августин Блаженный, автор “Града Божьего”).

Возможно, сказался общий кризис античного общества. С одной стороны, культ тела и чувственности, эстетизация удовольствий, эпикурейство, распространившееся в античной языческой культуре (наряду с политическими достижениями: демократией, республиканской формой правления). С другой – рабство,

погубившее в конечном счете и экономику, и нравственность, развратившее свободных и вызывавшее нарастающий протест не только у завоеванных римлянами народов (маргиналов по отношению к античной культуре, варваров), но и у части античной элиты. Последняя видела опасности деградации античной цивилизации, но единственным способом противостояния ей сочла вообще отказ от чувственной жизни – аскетизм (так же, как во времена промышленной революции английские луддиты увидели решение проблемы растущей эксплуатации в уничтожении машин).

В итоге с водой был выплеснут и ребенок – обожествление чувственной жизни как общечеловеческой цели, что осталась в памяти европейцев как классическая культура античности. Но не только с этим христиане вошли в мир.

Борясь с языческими свободами, создатели христианства отвергли не только право человека на земные наслаждения, но унизили тех, кто был ответственен за продолжение рода человеческого – женщин. Возможно, в отместку за то, что именно они напоминали первым отшельникам об их мужской роли. Впрочем, за этим антифеминизмом стоял весь патриархальный опыт и поздней первобытности, и древних государств, оставивший женщинам лишь единственную, но и уникальную их функцию. Позволю себе предположить, что и среди женщин, разделявших эти воззрения, а таких тоже было немало, оказывались наиболее сильные натуры, не желавшие оставаться только орудиями детопроизводства. И действительно, в Средние века на общественном поприще женщины могли проявить себя лишь в рангах монахинь.

Идея греховности полового инстинкта, которая постепенно распространилась в христианстве, окончательно оформившаяся в утверждении целибата для католического духовенства, породила, как известно, многие нарушения и извращения, сведения о которых, а еще больше сплетни и анекдоты вокруг них, сопровождают всю историю христианства по наши дни. А чего стоит инспирированные церковью гонения на “ведьм” на рубеже средневековья и Нового времени!

Итальянское Возрождение, вернувшее часть образованных европейцев к светской культуре, в отношении к женщинам осталось патриархальным, но, по крайней мере, сняло с чувственности клеймо греховности и блуда. Выросший из упрощенно истолкованных гуманистических идей, христианский протестантизм также пошел по пути секуляризации повседневных человеческих ценностей. Вспомним лютеровское “Кто не любит вина, женщин и песен, тот на всю жизнь остается дураком”.

Широкое наступление на клерикализм, а, по сути, на христианские представления о мире, начали в Европе, как известно, в XVIII в. французские просветители. Хотя и они, в большинстве своем, в воззрениях на роль и место женщин оставались патриархальными консерваторами. “Как, основываясь на том, что существует какая-нибудь сотня больших городов, где женщины, ведя распущенный образ жизни, производят на свет мало детей, вы утверждаете, что для женщины естественно иметь мало детей!.. Разве для женщины не естественно быть матерью?” – писал Руссо. Спустя два столетия такой признанный знаток человеческих душ, как Лев Толстой, упрекал женщин, которые “ходят на разные курсы ... и... стараются избавиться от рождений детей с тем, чтобы не препятствовать своему одурению, которое они называют развитием”.

Так что патриархальное отношение к женщинам было характерно не только для христианских традиционалистов. Поэтому с развитием индустриального общества и свойственного ему либерализма за гендерное равноправие взялись сами женщины – суфражистки. Уже в наше время, с 1985 г., движение за женское равноправие получило “второе дыхание” в виде феминизма. На это

пытается реагировать и христианство. Протестантизм признал женское священство. И среди католиков также появились реформаторы, призывающие повернуться к современному обществу, которые даже динамичного Иоанна Павла II считали консервативным и теперь выступают против его беатификации¹. Хотя в 1988 г. именно этот папа выступил с апостольским посланием "О достоинстве и служении женщины", в котором признается равное достоинство мужчин и женщин, и это оправдывается на основе большого количества текстов. Но ведь в главном христианство, как и другие современные религии, признает все-таки Бога, Его, то есть мужчину, чего не было, кстати, во многих языческих верованиях, содержащих и культы богинь.

Впрочем, нельзя не признать, что исторически антифеминизм, мужской шовинизм был вызван не только патриархальным опытом поздней первобытности и эпохи ранних государств. Ведь именно те юридические и экономические права, которые женщины получили в Древнем Риме (имущественные гарантии, общественную самостоятельность), в конечном счете привели к кризису семьи и традиционной морали. Многочисленные разводы, вторые, третьи и так далее браки, противоестественные замужества пожилых богатых вдов на юношах на рубеже новой эры видоизменяли основную историческую функцию семьи – выхаживание потомства. Малодетность и даже бездетность стали бичом позднеримской элиты. И критики римских порядков увидели в кризисе традиционной семьи одну из причин общего кризиса римского общества. Неспроста Августин Блаженный противопоставил земному Вавилону – римской блуднице – Град Божий.

Кстати, достижение определенного полового равноправия в наше время², создавшее так называемый современный, или европейский, тип семьи, вернуло в общество проблемы, пережитые в Позднем Риме: снижение рождаемости и ослабление семейных уз. И эта проблема становится все более актуальной, особенно в Европе, из-за сокращения в ней коренного населения. Но основная тенденция в современных цивилизациях – все же феминизм, уравнивание женщин в правах с мужчинами. И христианский консерватизм все более теряет сторонников.

Пафос возмущения традиционным отношением церкви к женщине и стал затравкой остросюжетного повествования Дэна Брауна³. Но для большей убедительности и, очевидно, занимательности автор не только упрощает проблему, но и окунает ее в мистику. Решения, определившие христианскую идеологию и практику, автор "навесил" на самого известного позднеримского императора – Константина, прозванного Великим в том числе и за придание этой религии официального статуса. Но едва ли все началось с хитростей Константина и окружавших его адептов новой веры, стремившихся укрепиться во власти. Если бы это было так, вряд ли церкви удалось бы занять соответствующее место. Хотя Браун и приводит слова Наполеона "Что есть история, как не басня, в которую договорились поверить?", но за любыми кардинальными явлениями в нашем прошлом никогда не стояло несколько человек, сколь сильными и подлыми бы они ни были. Удача всегда сопутствовала лишь тем, кто угадывал настроения большинства и умел стать их выразителем. Даже такой кровавый уникум, как Гитлер, выдвинулся на волне известного не только историкам кризиса германского общества после поражения в Первой мировой войне.

¹ См., напр., Минин С. Католики пишут письма протеста // Независимая газета. – 2005. – 21 декабря.

² Полного равноправия, естественно, быть не может по биологическим причинам.

³ Показательно, что в реакции, последовавшей на снятый по роману фильм, церковь, резко выступив против интерпретации образа Христа, никак не отреагировала на критику ее отношения к женщине. Очевидно, возразить на это нечем.

Укоренение и распространение христианства именно в известной нам форме стало следствием, как сейчас модно говорить, ответа на вызовы, с которыми столкнулось римское общество в III – IV вв. Общество это желало порядка, который разрушался, в том числе и постепенно сложившимися свободами, среди которых были и права женщин: свобода разводов, право их на публичную жизнь... То, что уже с начала новой эры было привычно среди римской элиты, патриархальным большинством римского общества не воспринималось. Христианство и распространилось ведь изначально в среде, враждебной Риму. А к эпохе Константина "истинные", коренные по происхождению, римляне уже составляли в империи меньшинство. И случилось то, что случилось: патриархальность возобладала! О культе упоминаемой Брауном "Богини" могли мечтать лишь немногочисленные интеллектуалы – еретики по отношению к христианству. И здесь автор выходит на ныне самое знаменитое тайное общество средневековой католической Европы – *тамплиеров*.

Только переведенная на русский язык в последние годы литература об этом духовно-рыцарском Ордене превышает десяток наименований. Кстати, уж не знаю кто, автор или переводчик, ошибся в дате создания Ордена. В книге указано, что он был основан после Второго крестового похода, тогда как это произошло после Первого похода, в 1119 г. (Второй поход состоялся в 1147 г.). Дальнейшая история и злоключения тамплиеров переданы достаточно точно, хотя и односторонне. Образованность и основанные на ней интеллектуальные изыскания тамплиеров вполне могли иметь место, что и спровоцировало обвинение их в ереси, наряду с меркантильными соображениями Филиппа IV Красивого. Но вот называть этих монахов-воинов создателями концепции современного банковского дела (с. 417) несправедливо по отношению к североитальянским банкирам. Кстати, именно коммерческая деятельность привела к враждебности по отношению к храмовникам широких слоев тогдашнего западноевропейского общества. Обет безбрачия, обязательный для всего католического духовенства, позволял аккумулировать в недрах Ордена значительные средства. Кроме того, едва организовавшись, Орден начал оплачивать посещение европейскими паломниками святых мест в Палестине, давая для этого займы под залог. В итоге Орден стал владельцем многих земель, недвижимости и денег, даже хранителем королевской казны. При этом, как и все клирики, тамплиеры были подчинены только церковной юрисдикции, что выводило этих монахов-воинов со всеми их богатствами из-под светского, государственного контроля. Как известно, бесконтрольность развращает, а богатства вызывают зависть окружающих. Тамплиеров часто обвиняли и в безнравственном поведении. Вспомним сюжет романа Вальтера Скотта "Айвенго". Характерно, что в орденском Уставе наказания за сексуальные проступки отличались мягкостью, причем карались только случаи изнасилования и содомии. Более суровыми были наказания за драки и интриги. Рассуждения же автора о почитании тамплиерами женщин (культ богини) основаны лишь на домыслах и едва ли соответствуют историческим реалиям.

В итоге во многом надуманные обвинения подручных Филиппа Красивого и разгром Ордена были восприняты во Франции скорее с одобрением. Но об этом Браун не пишет.

Вот в этом и есть один из "подводных камней" пишущих историческую беллетристику, в которой занимательность мешает объективности. Всесторонняя характеристика тамплиеров по сюжету романа не нужна. Но у читателя складывается одностороннее впечатление о храмовниках-интеллектуалах, да еще носителях феминистских идей, поплатившихся за свою якобы оппозицию официальной

идеологии. Судя по имеющимся документам, тамплиеры были детьми своего времени, разве что их лидеры были более образованны и потому не склонны к упрощенному толкованию христианства и вопросов веры вообще. К тому же в 1136 г. для привлечения рыцарей в Орден было разрешено принимать и отлученных от церкви за святотатство, богохульство, ересь и даже убийство – для исправления. Эта ситуация вполне могла быть использована противниками тамплиеров.

А связь этого Ордена с масонами, о чем пишет Браун, вообще невозможно проследить. Ибо после официального роспуска Ордена в 1213 г. информация о нем исчезла из официальных источников. Масонские ложи появились же только во второй половине XVII в., то есть спустя 400 лет. Так что не могли тамплиеры основать часовню в 1446 г., да еще с набором масонских символов. Конечно, таинственность будит воображение. Многим искателям исторических тайн не дают покоя и легенды о богатствах тамплиеров. Принято считать, что часть их сокровищ исчезла, вернее, была куда-то вывезена оставшимися от разгрома храмовниками и надежно спрятана. Хотя никем ничего не доказано, каждый вправе фантазировать. Тем более что у всех тайных сообществ есть общие черты: мистика, особые обряды, сокровенные знаки отличия и т. д....

Теперь о Христе и Библии. Здесь также умело сочетаются факты и фантазии литератора. Реальность Христа как исторической личности теперь мало кем оспаривается. Но называть его потомком царей Соломона и Давида можно только в том смысле, что все они – евреи. Это, как и всем понятный вымысел Брауна, сделавшего свою главную героиню романа, французскую криминалистку Софи, потомком создателей первого средневекового государства на территории Франции – Меровингов.

В рассуждениях о Евангелиях, их количестве и истинности Браун касается проблемы, вызывающей споры уже более полутора тысяч лет. Действительно, канонические решения о подлинности только четырех воспоминаний о Христе его нескольких апостолов, принятые при Константине, не всеми даже в те далекие годы были приняты. Ибо, как, кстати, и многие другие церковные решения, напоминают решение сложных научных проблем с помощью интриг и голосования. Но главным было принять приемлемое, понятное большинству решение, а не искать истину. Поэтому все споры о канонизированных и "истинных" Евангелиях не имеют иного позитивного решения, кроме признания многообразия и разнородности их первооснов, составленных разными людьми в разное время, причем людьми малограмотными. Записи возникали много позже самих воспоминаний, составлялись по памяти, реалии в них перемежались фантазиями, ибо, несомненно, авторы текстов имели богатое воображение, подогреваемое верой в чудеса. Поэтому жесткие утверждения автора, *"что Новый Завет лжет. Новый Завет – фальшивка"*, могли бы быть верными лишь в том случае, если рассматривать его как документ, стенографически подробно фиксировавший происходившие в I в. н.э. события. Но для историка Новый завет – это документ другого рода, характеризующий, прежде всего, образ мыслей, представления определенного круга людей на Ближнем Востоке в первые столетия новой эры. Реальные события уже не один десяток лет перепроверяются с помощью перекрестного сопоставления многочисленных письменных и вещественных (археологических, антропологических) источников.

Таким же образом, кстати, надо относиться и к Ветхому Завету с его каноническими и неистинными списками, что также упоминает автор. Едва ли соответствует историческим фактам и демонизация Константина, якобы совершившего все описанные в романе подлоги и фальсификации. Скорее, как отмечалось выше, в своих интересах он не мешал это делать самим христианским иерархам,

ибо основной его целью как главы империи было достижение единства, в том числе и в идеологической сфере, что, кстати, подчеркивает и Браун.

Интересны и вставки о загадках да Винчи. Его склонность к мистификациям общепризнанна. Толкований в литературе множество. Особенно над многозначностью некоторых образов на картинах художника. Мистификации и загадки в ту эпоху, когда творил этот великий мастер, были действительно популярны. У искусствоведов рассуждения об этом стали уже общим местом. Так что появившиеся недавно в прессе (на волне скандала уже с экранизацией романа) обвинения Брауна в плагиате этих предположений необоснованны.

Не забыта автором и современница Христа Магдалина, роль которой действительно не столь однозначна, как считается в популярных истолкованиях канонизированных Евангелий. Сюжет пикантный, и автор, естественно, не мог пройти мимо. Это его право. Тем более, что в дела интимные и науке не обязательно вмешиваться. Рассуждения о возможных потомках Христа опираются лишь на современную рациональную логику. Люди же нередко поступают нелогично (особенно люди прошлого с нашей, нынешней точки зрения). Ну а божественная логика (если она существует) смертным вообще недоступна.

Интересны и научно вполне обоснованны рассуждения о сексе и причинах антисексизма христианства, о появлении Дьявола. Все это вполне укладывается в современные научные изыскания. То же можно сказать и по поводу сюжетов о христианской символике. "Рудименты языческой религии в христианской символике" действительно существуют и довольно многочисленны. Да и сам пантеон христианских святых близок иерархиям языческих божеств в различных культурах. И в этом нет ничего удивительного, да и оскорбительного для христианина. Ведь любая вера опирается на законы человеческой психики. И это хорошо понимали христианские миссионеры, освящая почитавшиеся язычниками источники и камни, приурочивая новые праздники к старым, языческим. Да и само появление изображений Христа и святых – не что иное, как продолжение первобытной, языческой традиции видеть божество в привычном облике. Кстати, именно из-за опасения идолопоклонства изображения божеств запрещены в других авраамических религиях – иудаизме и исламе. Возможно, из-за близости их носителей многочисленным языческим культурам Востока. Христианские же проповедники, приобщая к своей вере европейцев, к такому идолопоклонству были снисходительнее из-за, во-первых, большего авторитета новой религии по сравнению с примитивными верованиями европейских варваров, а во-вторых, из-за опоры на государственную власть. Ведь практически в каждом европейском государстве христианство распространялось через королей, князей и их дружины. Такого религиозного плюрализма, как на Востоке, в раннесредневековой Европе не было. Впрочем, эти рассуждения читателям романа не нужны. Здесь я просто нахожу дополнительные аргументы в поддержку написанного Брауном.

А строки романа о значении находок в Кумранской пещере для истории возникновения христианства и в таких обоснованиях не нуждаются.

Возвращаясь к анализу христианской символики, нельзя обойти и фразу автора: *"Продолговатый неф старинного собора символизировал собой чрево женщины... Все уменьшающиеся своды – это как бы губы влагалища, а нависающие над входом складки – это клитор"*. Конечно, фантазия изобретателей знаменитых готических порталов вполне могла иметь определенную направленность, тем более что большинство из них было монахами, связанными обетом безбрачия. Но это больше напоминает известный анекдот о солдатах, выстроивших перед грудой кирпичей. На вопрос, что они думают, глядя на эти кирпичи, один из них ответил: "О женщинах. – Почему? – А я всегда о них

думаю". А если серьезно, то едва ли большинство верующих, входя в храмы, посещали вышеприведенные мысли...

Никем не найденный Грааль – тоже хорошая основа для поддержки интереса читателей, и автор этим грамотно пользуется. Вот так в книге переплетаются научно установленные истины и свободный полет авторских фантазий, что хорошо для ни на что не претендующего занимательного чтения, но опасно, если читатель начнет все прочитанное принимать за историческую реальность.

В таком случае желателен некий издательский комментарий. Нечто вроде того, что делалось в XIX в. в театрах, когда чувствительных дамочек предупреждали: при изображении сцен убийств будет литься не кровь, а вишневый сок. Теперь в театрах об этом не говорят, ибо зрители понимают условности игры. Но в литературе, как, кстати, и в кино, где есть возможность затушевывать грани между реальностью и вымыслом, ремарки о "вишневом соке" (или о "лапше на уши") необходимы. Чем и вызваны наши заметки.

***

Уже после написания этой рецензии попались публикации все о том же романе в "Независимой газете"⁴. Их автор указала и на примитивизм сюжета, и на ряд неточностей в топографии современного Парижа, и даже на предполагаемый расчет Брауна, что его читатель – "средний полудиот". Но если от всего этого отвлечься, заключила автор заметок, "читать это чрезвычайно интересно, если относиться к тексту как к исключительно художественному". Однако в том-то и дело, что многие ли заметят не только ошибки в описании Парижа, но и произвольное обращение автора с историческим материалом? Притом что автор, как отмечалось, довольно искусно переплетает домыслы с историческими фактами и актуальными комментариями (например, рассуждениями об антифеминизме христианства).

Но именно поэтому следует давать таким книгам разъясняющие комментарии. Современное общество, как видно, так же нуждается в Просвещении, как и в XVIII в., когда творили и Вольтер, и Дидро, и другие просветители. Это тем более актуально, что данный роман был вполне серьезно воспринят и католической церковью, чьи представители в Америке указали не только на "несколько десятков ошибок" Брауна, но в ответ на экранизацию романа планируют выставить в Интернете подборку интервью с учеными, доказывающими, что версия Брауна о Христе – сплошная выдумка⁵.

И вообще, не следует столь серьезно относиться к этому произведению, как, например, автор популярного еженедельника, который отнес Брауна к великим компиляторам, поставив его рядом с К. Марксом и назвав роман симптомом грядущей гибели западной цивилизации, предсказанной сто лет назад О. Шпенглером⁶. Нельзя, мол, так относиться к святыням Европы, как это сделал Браун. Но, помнится, над этими святынями еще более едко насмеялся почти триста лет назад Вольтер. И погибла ли после этого Европа? Думается, самоирония, способность критично относиться к своей культуре – признак не упадка, а силы!

То есть роман действительно воспринимается не как художественное произведение с правом на мистификацию, а как научное сочинение, претендующее на историческое открытие. В этом же ряду и претензии новозеландца Майкла Бейгента и американца Ричарда Лея, авторов вышедшей в 1982 г. книги "Святая

⁴ Частицына А. Код глупости. Об одной литературной мистификации // Независимая газета. – 2005. – 15 сентября.

⁵ Коваленко Ю., Бай Е. Автора "Кода да Винчи обвиняют в плагиате" // Известия. – 2006. – 28 февраля.

⁶ Тростников В. Дэн Браун – наследник Карла Маркса // Аргументы и Факты. – 2006. – № 22.

кровь, Святой Грааль” (“Holly Blood, Holly Graal”, в русском переводе “Священная загадка”), обвинивших Брауна в плагиате. Хотя последний и ссылается в своем тексте на это сочинение как на доказательство рассуждений героев романа.

Неадекватные оценки порождают поиски ошибок Брауна и там, где их, по сути, нет. Например, католические критики отмечают, что Браун пишет о существовании Ватикана на тысячелетие раньше его реального появления. Но ведь из контекста ясно, что автор имеет в виду не *Государство Ватикан*, а *Ватикан как организацию римской церкви*. Также ошибкой считают, что свитки из Мертвого моря автор романа называет еврейскими документами, а надо – христианскими. Но ведь секта ессеев – первых христиан – состояла-то из евреев. Конечно, в научном трактате такие двусмысленности не должны допускаться. Но нельзя же столь серьезно относиться к в общем-то развлекательному чтиву. Как не вспомнить Александра Дюма (автора теперь уже не столь популярной эпопеи о трех мушкетерах и д’Артаньяне), откровенно заявлявшего: “Мы не притязаем на то, чтобы быть историками. Если иной раз мы становимся ими, то лишь тогда, когда история случайно спускается до уровня романа или, вернее сказать, роман возвышается до уровня истории”.

В детективах, чтобы избежать всяческих обвинений, авторы или издатели нередко пишут: “Всякие совпадения с реальными событиями – случайны”. В жанре, выбранном Брауном, так не напишешь, но если читатель, как отметила критик из “Независимой газеты”, действительно “средний полуидиот”, его надо просвещать. Кстати, это неплохая возможность распространять подлинные исторические знания.

Я.Г. РИЕР,
доктор исторических наук, профессор